

(6)

ИСТОРИЯ ДЖИМА

Врач, один из первых членов первой группы АА для черных, рассказывает о том, как обрел свободу, работая среди своих людей.

Я родился в маленьком городке в штате Вирджиния, в обычной религиозной семье. Мой отец, афроамериканец, был сельским врачом. Помню, в детстве мама одевала меня точно так же, как моих двух сестер, и я ходил с кудряшками до шести лет. В этом возрасте я пошел в школу и так избавился от кудряшек. Позже я понял, что уже тогда у меня были страхи и предубеждения. Мы жили всего за несколько домов от баптистской церкви, и я вспоминаю, что, когда у них бывали похороны, я часто спрашивал у своей матери, каким человеком был умерший – хорошим или плохим, и куда он попадет – в рай или в ад. А тогда мне было около шести.

Моя мать была новообращенной и превратилась в истинного религиозного фанатика. Это было ее самым выраженным невротическим проявлением. По отношению к нам, своим детям, она была очень властной. Мать вбила мне в голову чрезвычайно пуританские представления о взаимоотношениях полов, а также о женственности и мужественности. Я уверен, что мое видение жизни резко отличалось от взглядов среднего члена того общества, в котором яращался. Со временем этот факт повлиял на мою жизнь негативным образом. Сейчас я это осознаю.

Примерно в это время, когда я учился в начальной школе, со мной произошел инцидент, который запомнился мне на всю жизнь, потому что мне стало ясно, что на самом деле я – прирожденный трус. На перемене мы играли в баскетбол, и я нечаянно поставил подножку одному мальчику, который был лишь немного крупнее меня. Он схватил мяч и ударил

меня им по лицу. Это был достаточный повод для драки, но драться я не стал. После перемены я понял, почему. Мне было страшно. Это меня очень ранило и беспокоило.

Мама была воспитанницей старой школы и считала, что все люди, с которыми я общаюсь, должны соответствовать определенным критериям. Разумеется, к тому времени все уже изменилось; проблема была в том, что при этом не изменилась она. Не знаю, было ли это правильным, но, по крайней мере, я знаю, что другие придерживались иного мнения. Дома нам не дозволялось даже играть в карты, однако папа время от времени давал нам немного пунша с виски, сахаром и теплой водой. У нас в доме виски не было нигде, кроме как в личных запасах отца. Я в жизни не видел его пьяным, хотя он, бывало, выпивал глоток с утра и обычно еще один вечером, и я тоже; большую же часть времени он держал виски в своем кабинете. Мать я видел за употреблением алкоголя исключительно на Рождество, когда она выпивала немного горячего напитка на основе рома или легкого вина.

На первом году моей учебы в средней школе мать предложила мне не идти в кадетский корпус. Она достала медицинскую справку, чтобы я не был обязан это делать. Не знаю, была ли она пацифистом или же просто думала, что в случае еще одной войны это будет играть определенную роль при наборе в армию.

Приблизительно в то же время я осознал, что мое отношение к противоположному полу не совсем совпадало с взглядами большинства знакомых мне юношей. Полагаю, по этой причине я женился гораздо раньше, чем если бы меня воспитывали иначе. Мы с женой вместе уже около тридцати лет. Ви была первой девушкой, с которой я пошел на свидание. Тогда мне пришлось пострадать из-за нее, потому что она была не такой девушкой, какую моя мать хоте-

ла видеть в качестве невестки. Самое главное, она уже выходила замуж, и я был ее вторым мужем. Мать это так возмущало, что на первом году нашего брака она даже не позвала нас к себе на рождественский ужин. После рождения нашего первого ребенка оба моих родителя стали союзниками. Позже, когда я стал алкоголиком, они оба отвернулись от меня.

Мой отец был родом с Юга, где перенес много лишений. Он хотел дать мне самое лучшее и считал, что добьется этого, только если я стану доктором. С другой стороны, полагаю, у меня всегда была склонность к медицине, хотя мое видение медицины никогда полностью не совпадало с видением среднего человека. Я занимаюсь хирургией, потому что при этом имеешь дело с тем, что можно видеть, осязать. Однако, когда я учился в аспирантуре и интернатуре, помню, очень часто, пытаюсь поставить больному диагноз, терялся в догадках и, в конце концов, ставил его наугад. У отца же было иначе. Думаю, он обладал даром интуитивно определять болезнь. С годами отец создал весьма успешный бизнес – магазин «товары почтой», ведь в то время заработки медиков были не так уж велики.

По-моему, я особо не страдал из-за сложившейся расовой ситуации, поскольку родился в этой среде и ничего иного не знал. На деле, ни с кем плохо не обращались. А если это все же случалось, человек мог только обижаться, но поделаться ничего не мог. С другой стороны, у меня сложилась совершенно другая картина жизни в более южных районах страны. Это было в значительной мере связано с экономическими условиями, так как я часто слышал от отца о том, что его мать, бывало, брала мешок из-под муки, вырезала в дне и двух углах дырки, и получалась сорочка. Когда папа, наконец, уехал учиться в Вирджинию, он, естественно, чувствовал такую обиду на южан, что даже не вернулся туда на по-

хороны матери. Он сказал, что не желает снова ступить на землю дальнего Юга, и больше там не бывал.

Я учился в начальной и средней школе в Вашингтоне, округ Колумбия, а затем – в Гарвардском университете. Интернатуру я проходил в Вашингтоне. У меня никогда не было особых проблем с учебой. Со своей работой я тоже справлялся. Неприятности начинались, только когда я оказывался среди групп различных людей. Что же до занятий, я всегда получал средние оценки.

Я начал действительно много пить примерно в 1935 году. С 1930 по 1935 годы из-за Великой депрессии и ее последствий дела мои шли все хуже и хуже. Тогда у меня была собственная медицинская практика в Вашингтоне, но она уменьшалась. Отцовский бизнес также начал приходить в упадок. Поскольку папа большую часть своей жизни прожил в маленьком городке в Вирджинии, крупных сумм у него не было, а отложенные им деньги и приобретенная собственность находились в Вашингтоне. С его смертью в 1928 году, когда ему было под шестьдесят, ответственность за все его предприятия легла на мои плечи. Первые пару лет все шло неплохо, потому что бизнес по инерции продолжал работать. Но, когда экономическое положение в стране ухудшилось, дела пришли в беспорядок, а вместе с ними – и я. Думаю, к тому времени я напивался всего три-четыре раза, и у меня определенно не было проблем со спиртным.

Мой отец приобрел ресторан, полагая, что мне будет полезно заниматься им какую-то часть своего свободного времени. Там я и встретил Ви. Она пришла туда пообедать. Когда со дня нашего знакомства прошло около полугода, однажды вечером она, чтобы отделаться от меня, решила пойти в кино с другим другом. Один мой очень хороший друг, владевший аптекой через дорогу, пришел лишь двумя часами позже и сказал, что видел Ви в центре города. Я от-

ветил, что она говорила мне, что собирается в кино, и расстроился, как дурак. Беспокойство росло, как снежный ком, и я решил пойти напиться. Это был первый раз в моей жизни, когда я действительно напился. Мое душевное равновесие нарушил страх потерять Ви и мысли о том, что, хотя она и имела право поступать, как пожелает, ей следовало сказать мне правду. В этом и была моя проблема. Я думал, что все женщины должны быть идеальными.

Полагаю, приблизительно до 1935 года я, на деле, не был патологическим пьяницей. К этому времени я потерял практически всю собственность, за исключением своего жилья.

Положение все ухудшалось, и мне пришлось отказаться от множества вещей, к которым я привык, а это было не так легко. На мой взгляд, это было главной причиной, подтолкнувшей меня к пьянству. Я начал пить в одиночку. Я приходил домой с бутылкой и, точно помню, озирался, проверяя, не наблюдает ли за мной Ви. Что-то должно было подсказать мне тогда, что в моей жизни не все в порядке. Я помню, как она на меня смотрела. Через какое-то время она стала говорить со мной об этом, и я отвечал, что сильно простудился, или, что мне нехорошо. Так продолжалось, может, пару месяцев, а затем она снова стала донимать меня беседами о моем пьянстве. В тот период запрещенный некогда виски вернулся на прилавки, и я, бывало, шел в магазин, покупал бутылку, уносил ее в свой кабинет и прятал под стол, и скоро там собралась куча пустых бутылок. С нами тогда жил мой шурин, и я говорил Ви: «Может, это бутылки брата. Не знаю. Спроси у него, а я ничего не знаю об этих бутылках». Я не только чувствовал, что вынужден пить; я, на деле, *хотел* выпить. С этого момента моя история ничем не отличается от истории среднего пьяницы.

Я поехал в такое место, где мог с нетерпением ждать выходящих, чтобы напиться, и утешать себя мыслью, что вы-

ходные принадлежат мне, и тот факт, что на выходных я пью, не мешает ни моей семье, ни моему бизнесу. Однако выходные переходили в понедельник, и скоро я уже пил каждый день. Моего заработка едва хватало, чтобы обеспечивать семью.

В 1940 году произошел один примечательный инцидент. Как-то в пятницу вечером ко мне на прием пришел мужчина, с которым я был знаком много лет. До этого его долго лечил мой отец. Его жена на тот момент болела около двух месяцев, и он предъявил мне список лекарств. Я выписал ему рецепт. На следующий день, в субботу, он снова зашел ко мне и сказал: «Джим, я тебе должен за вчерашний рецепт. Я не заплатил за него». Я подумал: «Знаю, что не заплатил, ведь я тебе ничего не выписывал». Он продолжил: «Ну, тот рецепт, который ты мне вчера вечером выписал для моей жены». Тут мной овладел страх, потому что я ничего подобного не помнил. Это был первый провал в памяти, который я вынужден был признать таковым. На следующее утро я отнес этому человеку другой рецепт и обменял его на тот пузырек, который был у его жены. И тогда я сказал своей жене: «Надо что-то делать». Я отдал пузырек на анализ одному своему очень хорошему другу, фармацевту. Оказалось, что с лекарством все в порядке. Но теперь я знал, что не могу остановиться и представляю опасность для самого себя и других.

У меня состоялась длинная беседа с психиатром, но это ни к чему не привело. Кроме того, я поговорил со священником, которого очень уважал. Он все свел к религии и сказал, что я хожу в церковь не так регулярно, как следует, и что, по его мнению, это в той или иной степени является источником моей проблемы. Меня такое предположение возмутило, ибо незадолго до окончания средней школы мне было откровение о Боге, весьма усложнившее мне жизнь. Ко мне пришла мысль, что если Бог, как говорит мать, есть Бог карающий, он

не может быть Богом любящим. Это не укладывалось у меня в голове. Мое сознание противилось этому, и с того времени я бывал в церкви, думаю, немногим более 10 раз.

После того случая в 1940 году я стал изыскивать иные способы заработать себе на жизнь. У меня был один хороший друг, который работал в правительственной структуре, и я обратился к нему с просьбой пристроить меня туда. Он помог мне получить работу. Около года я работал на правительство, а по вечерам продолжал принимать пациентов. Затем наши учреждения децентрализовали. Тогда я отправился на юг, потому что мне сказали, что в том округе штата Северная Каролина, куда я собрался, действует сухой закон. Я посчитал, что это мне очень поможет. Познакомлюсь там с новыми людьми и буду вести трезвый образ жизни.

Однако по приезду в Северную Каролину я обнаружил, что никакой разницы нет. Штат был другим, а я – прежним. Тем не менее, я оставался там трезвым около полугода, так как знал, что позже должна приехать Ви и привезти с собой детей. В то время у нас было две дочери и сын. Потом что-то случилось. Ви получила работу в Вашингтоне, тоже в государственном учреждении. Я начал спрашивать у людей, где можно достать спиртного, и, разумеется, выяснилось, что это нетрудно. По-моему, виски стоил там даже дешевле, чем в Вашингтоне. Дела мои неуклонно ухудшались, пока не дошло до того, что правительство решило провести у меня проверку. Будучи алкоголиком, я все же ухитрился ее пережить благодаря своей ловкости и остатку здравого смысла. Затем у меня случилось первое сильное желудочное кровотечение, из-за чего я дня четыре не мог работать. Помимо этого, появилось множество финансовых проблем. Я занял пятьсот долларов в банке и триста – у ростовщика, и довольно быстро пропил деньги. После этого принял решение вернуться в Вашингтон.

Жена приняла меня хорошо, несмотря на то, что жила в однокомнатной квартире. Ей пришлось переехать в это скромное жилище из-за финансовых затруднений. Я пообещал, что буду поступать правильно. Теперь мы оба работали в одной организации. Я продолжал пить. Однажды вечером, в октябре, я напился, заснул под дождем и проснулся с воспалением легких. Мы продолжали работать вместе, и я все пил. Но, полагаю, в глубине души мы оба знали, что я не могу завязать. Ви думала, что я не хочу бросать пить. У нас случилось несколько драк, и в ходе одной или двух из них я ударил ее кулаком. Она решила, что больше не желает так жить, и потому отправилась в суд и поговорила с судьей. Они разработали план, согласно которому она больше не обязана будет сносить мои приставания, если не захочет.

Я уехал на несколько дней к матери, чтобы все улеглось, потому что окружной прокурор прислал мне повестку, в которой говорилось, что я должен явиться к нему на беседу. Ко мне пришел полицейский и через дверь спросил, дома ли Джеймс С., но такового там не было. Он приходил еще несколько раз. Через десять дней я попал за решетку за нахождение в общественном месте в пьяном виде. При этом в участке оказался тот самый полицейский. Мне пришлось заплатить залог в размере трехсот долларов, так как он носил в кармане все ту же повестку. Итак, я отправился к прокурору, и мы договорились, что я буду жить у матери, что означало раздельное проживание с Ви. Я продолжал работать и обедать вместе с Ви, и никто из наших знакомых по работе не знал, что мы живем отдельно. Мы очень часто вместе приезжали на работу и уезжали с нее, но сложившаяся ситуация меня по-настоящему уязвляла.

В ноябре, получив зарплату, я взял отгул на несколько дней, чтобы отпраздновать свой день рождения двадцать пятого числа. Я, как обычно, напился и потерял деньги.

Кто-то их у меня забрал. Это было обычным делом. Иногда я отдавал деньги матери, а потом возвращался и выбивал их у нее. Я был почти полностью разорен. В кармане у меня осталось, наверное, пять или десять долларов. Как бы то ни было, двадцать четвертого числа, пропьянствовав весь предыдущий день, я, должно быть, решил повидаться с женой и получить от нее хоть какое-нибудь утешение или, по крайней мере, поговорить с ней. Не помню, отправился ли я к ней на трамвае, пешком или на такси. Я ясно помню только то, что Ви стояла на углу 8-й и Эл с каким-то конвертом в руке. Помню, что разговаривал с ней, но что случилось дальше — не знаю. На самом же деле я тогда достал перочинный нож и трижды ударил им Ви, после чего пошел домой и лег спать. Часов в восемь пришли двое детективов и полицейский, чтобы арестовать меня за нападение. Когда они заявили, что я напал на человека, притом на собственную жену, я был безмерно поражен. Меня забрали в участок и поместили в камеру.

На следующее утро меня вызвали в суд. Ви проявила исключительную доброту. Она объяснила присяжным, что я, по сути, отличный парень и хороший муж, но слишком-много пью, и она думает, что я лишился рассудка и меня следует отправить в психиатрическую лечебницу. Судья сказал, что, раз она настроена так, он приговорит меня к обследованию и наблюдению в течение тридцати дней. Наблюдения за мной не велось. Какое-то обследование, может, и было. Ближе всего к психиатру я оказался, когда ко мне пришел какой-то практикант, чтобы взять кровь на анализ. После истечения испытательного срока я снова преисполнился великодушия и почувствовал, что нужно как-нибудь отплатить Ви за ее доброту; с этой целью я покинул Вашингтон и поехал работать в Сиэтл. Я провел там около трех недель, а затем у меня зачесались пятки, и я

начал разъезжать по стране, пока, наконец, не осел в Пенсильвании, где устроился на сталелитейный завод.

Там я проработал, может, пару месяцев. Затем почувствовал отвращение к самому себе и решил вернуться домой. Думаю, больше всего меня беспокоило то, что сразу после Пасхи я получил зарплату за две недели и решил выслать Ви какую-то сумму; кроме того, я собирался послать свой маленькой дочке пасхальный набор. Но оказалось, что между почтой и заводом находился магазин, где продавали спиртное, и я заглянул туда, чтобы выпить пресловутый один стаканчик. Разумеется, ребенок так и не получил подарка к Пасхе. От полученных двухсот долларов у меня остались лишь крохи.

Я знал, что неспособен самостоятельно хранить все свои деньги, и потому отдал их одному белому парню, владельцу бара, завсегда там которого я был. Он держал их у себя, но я смертельно донимал его из-за этого. В воскресенье перед отъездом я, в конце концов, разменял последние сто долларов и купил себе пару туфель, а остаток просадил. На последние деньги я купил билет на поезд.

Я пробыл дома с неделю или чуть больше, когда один мой приятель попросил меня починить электророзетку у него в магазине. Я согласился, думая только о том, как получу два-три доллара и куплю себе выпивки. Так я встретил Эллу Г., благодаря которой и попал в АА. Придя в магазин приятеля, чтобы выполнить работу, я заметил эту женщину. Она смотрела на меня, ничего не говоря. Наконец она спросила: «Вы случайно не Джим С.?» Я ответил: «Да, это я». Тогда она сказала, что ее зовут Элла Г. Много лет назад, когда я с ней познакомился, она была довольно стройной. Теперь же она весила столько, сколько сейчас, то есть примерно на двести фунтов больше. Поэтому я сперва не узнал ее, но, как только она назвала себя, сразу же вспомнил. В эту нашу встречу она не упомянула ни об АА, ни о том, что мне

нужен спонсор. Она лишь поинтересовалась, как поживает Ви, и я сказал ей, что Ви работает, и объяснил, как с ней можно связаться. Через день или два, около полудня, у меня зазвонил телефон. Это оказалась Элла. Она спросила, не буду ли я против, если ко мне придет один человек, чтобы обсудить некое дело. При этом она ни словом не затронула тему моего пьянства, потому что, если бы она это сделала, я бы тут же сказал ей «нет». Я попытался выяснить, что это за дело, но она не призналась, только сказала: «Если ты встретишься с этим человеком, он предложит тебе кое-что интересное». Я согласился. После этого Элла попросила меня постараться, если возможно, быть в трезвом виде. Я прислушался к ее просьбе и в этот день приложил некоторые усилия, чтобы по возможности оставаться трезвым, хотя эта трезвость была весьма призрачной.

Около семи часов вечера пришел мой спонсор, Чарли Г. Поначалу он, похоже, чувствовал себя не совсем уютно. Полагаю, он ощущал, что я хочу, чтобы он побыстрее выкладывал, зачем пришел, и убирался. Тем не менее, он начал рассказывать о себе. Он заговорил о своих многочисленных проблемах, а я мысленно спрашивал себя, зачем этот парень распространяется об этом, ведь у меня и своих неприятностей по горло. Наконец, он коснулся алкогольной темы. Он продолжал говорить, а я – слушать. По истечении получаса я все еще хотел, чтобы он побыстрее закончил и ушел, и тогда, я успел бы купить виски до закрытия магазина. Но он все говорил, и я осознал, что впервые в своей жизни встретил человека, у которого такие же проблемы, как и у меня, и который, как я искренне полагаю, понимает меня как одного из ряда людей с подобными проблемами. Я знал, что жена меня не понимала, ведь я был искренен, когда давал обещания ей, матери и близким друзьям, но тяга к спиртному была сильнее всего остального.

Послушав Чарли, я убедился, что у этого парня есть что мне предложить. За этот короткий промежуток времени он выстроил внутри меня нечто, что я потерял задолго до того момента – надежду. Потом я проводил его до трамвайной остановки. До нее было всего полквартала, но идти нужно было мимо двух магазинов. Посадив Чарли в трамвай, я пошел домой и, минуя оба магазина, даже не подумал о них.

В следующее воскресенье мы собрались у Эллы Г. дома. Там были Чарли и еще три-четыре человека. Насколько мне известно, это было первое собрание цветной группы АА. У Эллы мы провели два или три собрания, после чего столько же – в доме ее матери. Затем Чарли или кто-то другой предложил нам попробовать найти место для собраний при какой-нибудь церкви или в другом общественном здании. Я переговорил об этом с несколькими священниками; все они находили идею прекрасной, однако помещения не предоставляли. В конце концов, я обратился в одну организацию, которая любезно позволила нам пользоваться одной из принадлежащих ей комнат за два доллара за вечер. В то время мы собирались по пятницам. Сначала, конечно, группа была невелика; на собраниях присутствовали, по большей части, только Ви и я. Но потом нам удалось привлечь к участию в них еще пару человек, и с того момента группа, естественно, стала расти.

Я не упомянул, что Чарли, мой спонсор, был белым. Когда мы основали свою группу, нам стали помогать и другие группы города, членами которых были белые. Многие из них приходили к нам, оставались и рассказывали нам, как проводить собрания. Кроме того, от них мы много узнали о работе по Двенадцатому Шагу. На деле, без их помощи мы, возможно, не смогли бы продвигаться вперед. Они сэкономили нам огромное количество времени и избавили от напрасных усилий. Помимо этого, они оказывали нам матери-

альную помощь. Даже когда мы платили те самые два доллара за вечер, они часто платили за нас, ведь наши сборы были так малы.

В этот период я не работал. Ви заботилась обо мне, а я посвящал все свое время формированию нашей группы. Над этим я работал в одиночку полгода. Я занимался тем, что сводил вместе разных алкоголиков, потому что в глубине души хотел спасти мир. Я нашел это новое «нечто» и хотел поделиться им с каждым, у кого есть проблемы. Мир мы не спасли, но нам все же удалось помочь некоторым отдельным людям.

Вот и весь мой рассказ о том, что для меня сделали АА.